

Сергей Синенко

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВНОЕ СОБРАНИЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ
ПОВЕСТВОВАНИЕ

Сергей Синенко

МУСУЛЬМАНСКОЕ
ДУХОВНОЕ
СОБРАНИЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ
ПОВЕСТВОВАНИЕ

Человек, который стремится понять другого, иного по обычаям и вере, уже сам заслуживает внимания. Внимание заслуживают его мысли и наблюдения, тем более, если они выражены в книгах. Тем более, если это православный человек пишет о российских мусульманах. В сущности, все русское востоковедение и исламоведение развивалось из интереса к собственной истории, из поисков ответа на вопросы - «кто мы?», «что есть Россия?», «что есть Восток?». Именно поэтому познание Востока для русского писателя есть познание себя.

Книга Сергея Синенко «Мусульманское Духовное собрание» отличается плотным письмом, насыщено фактами, именами, эмоциями, образностью. Много мыслей, есть понимание весьма тонких вещей, связанных с религиозным опытом. О сложном для неподготовленного читателя он говорит понятно, доступно, не искажая сути, передавая события точно и зримо. Некоторые главы книги читаются как детектив.

В большом объеме в книгу включены новые, малоизвестные или вовсе неизвестные материалы - это придает ей особую ценность и достоверность. Книга написана хорошим, живым языком, это делает повествование доступным широкому читателю. Автором выполнена работа высокого уровня сложности, с которой может справиться только вдумчивый и высокоэрудированный человек. Некоторые факты, приводимые в этой книге, продолжают являться для историков предметом дискуссий, о многих из них продолжают спорить, и в подобных случаях автор справедливо ориентируется на наиболее аргументированные, наиболее правдоподобные версии.

Эта книга служит пониманию людьми друг друга. Автор книги исходит из того, что история российского мусульманства только пишется, а к истине еще нужно идти, «продираясь» сквозь колючий кустарник обмана, невольной лжи и газетных мифов, которыми окружен российский ислам». Это справедливо. Эту книгу нужно прочесть.

С уважением и сердечными молитвами,

Шейхуль-Ислам
Талгат Таджуддин
Председатель ЦДУМ России,
Верховный муфтий

СОДЕРЖАНИЕ

От автора _____ 6

Часть первая

МЕЖДУ МОЛИТВОЙ И МОЛЧАНИЕМ

Глава I	ПОСОЛЬСТВО В СТРАНУ БУЛГАР _____	8
Глава II	РЕКА ВРЕМЕНИ: ВНИЗ ПО ТЕЧЕНИЮ _____	23
Глава III	ДВЕНАДЦАТИКРЫЛАЯ ЮРТА _____	30

Часть вторая

НА БЕРЕГУ ИСЛАМСКОЙ ОЙКУМЕНЫ

Глава IV	ВЫСОКОЕ НЕБО НАД СТЕПЬЮ _____	37
Глава V	АБИ ПАТША - ЦАРИЦА-БАБУШКА _____	49
Глава VI	«ЛЮДИ, В ВЕРНОСТИ НАДЕЖНЫЕ...» _____	58
Глава VII	ПОСЛЕ БОЛЬШОЙ СМУТЫ _____	81
Глава VIII	ДВА МИРА В СЕБЕ ОДНОМ _____	93
Глава IX	ЗАМЕТЫ СЕРДЦА _____	100
Глава X	У ЗЕМНЫХ ПЕРЕПРАВ, ПРЕД НЕБЕСНОЙ ДОРОГОЙ _____	121
Глава XI	НА ЗОВ НЕВЕДОМОЙ ОТЧИЗНЫ _____	132

Часть третья

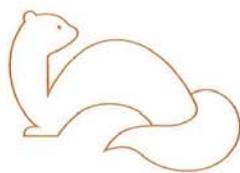
НЕ ЗНАЯ УДЕРЖУ НИ В РАБСТВЕ, НИ В СВОБОДЕ

Глава XII	КОГДА УБИВАЛИ ВЕЛИКОЕ ГОСУДАРСТВО _____	149
Глава XIII	ДИНИЯ НАЗАРАТ, ИЛИ ПОСТРОЙКА НОВОГО КОВЧЕГА _____	163
Глава XIV	СМИРЕННЫЙ БУНТАРЬ _____	185
Глава XV	«ЛАЗУРЬ НЕБЕС БАГРЯНЫЙ ШЕЛК СМЕНИЛ...» _____	215
Глава XVI	СВОЁ ЧУЖОЕ ВРЕМЯ _____	224
Глава XVII	ПРАВДА ПОПОЛАМ НЕ ДЕЛИТСЯ _____	236

УДК 29

ББК 86.38

С 38

ЗОЛОТАЯ КУНИЦА

Серия изданий об Уфе и башкирском крае

ВЫПУСК V

Рецензенты:

Центральное Духовное управление мусульман России,

факультет башкирской филологии и журналистики
Башкирского государственного университета

Синенко С.Г.

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВНОЕ СОБРАНИЕ. Художественно-документальное повествование.

— Уфа, ГУП «Государственное республиканское издательство «Башкортостан», 2008. - 272 с., с илл.

Книга рассказывает о появлении и распространении ислама в Поволжье, на Урале и в Степном крае, о создании в г. Уфе указом Екатерины II Оренбургского магометанского закона собрания, государственного учреждения, регулирующего права и обязанности мусульманского духовенства, о деятельности Духовного собрания в различные периоды российской истории. В центре внимания - фигуры муфтиев, председателей Духовного собрания с 1788 г. по настоящее время. Повествование сопровождается архивными и современными иллюстрациями. Книга адресует широкому кругу читателей различных национальностей и вероисповеданий. Публикуется в авторской редакции.

ISBN-978-5-8258-0247-3

© Сергей Германович Синенко. 2008

© ГУП «Государственное республиканское издательство «Башкортостан». 2008

СОДЕРЖАНИЕ

От автора _____ 6

Часть первая

МЕЖДУ МОЛИТВЕЙ И МОЛЧАНИЕМ

Глава I	ПОСОЛЬСТВО В СТРАНУ БУЛГАР _____	8
Глава II	РЕКА ВРЕМЕНИ: ВНИЗ ПО ТЕЧЕНИЮ _____	23
Глава III	ДВЕНАДЦАТИКРЫЛАЯ ЮРТА _____	30

Часть вторая

НА БЕРЕГУ ИСЛАМСКОЙ ОЙКУМЕНЫ

Глава IV	ВЫСОКОЕ НЕБО НАД СТЕПЬЮ _____	37
Глава V	АБИ ПАТША - ЦАРИЦА-БАБУШКА _____	49
Глава VI	«ЛЮДИ, В ВЕРНОСТИ НАДЕЖНЫЕ...» _____	58
Глава VII	ПОСЛЕ БОЛЬШОЙ СМУТЫ _____	81
Глава VIII	ДВА МИРА В СЕБЕ ОДНОМ _____	93
Глава IX	ЗАМЕТЫ СЕРДЦА _____	100
Глава X	У ЗЕМНЫХ ПЕРЕПРАВ, ПРЕД НЕБЕСНОЙ ДОРОГОЙ _____	121
Глава XI	НА ЗОВ НЕВЕДОМОЙ ОТЧИЗНЫ _____	132

Часть третья

НЕ ЗНАЯ УДЕРЖУ НИ В РАБСТВЕ, НИ В СВОБОДЕ

Глава XII	КОГДА УБИВАЛИ ВЕЛИКОЕ ГОСУДАРСТВО _____	149
Глава XIII	ДИНИЯ НАЗАРАТ, ИЛИ ПОСТРОЙКА НОВОГО КОВЧЕГА _____	163
Глава XIV	СМИРЕННЫЙ БУНТАРЬ _____	185
Глава XV	«ЛАЗУРЬ НЕБЕС БАГРЯНЫЙ ШЕЛК СМЕНИЛ...» _____	215
Глава XVI	СВОЁ ЧУЖОЕ ВРЕМЯ _____	224
Глава XVII	ПРАВДА ПОПОЛАМ НЕ ДЕЛИТСЯ _____	236

От автора

Тихая улочка бывшей Труниловской слободы, старинная липовая аллея, дорожка, вымощенная фигурным камнем. Здания вокруг, почти все, старинные, исторические – губернаторский дом, женское епархиальное училище, губернский окружной суд, дом-музей писателя Сергея Аксакова, медресе «Усмания», дом благотворительницы Марьям Султановой. Половину квартала перед спуском уфимских холмов к реке Белой занимает сад с лужайками и яблоневыми деревьями, над которым висит желтый полумесяц Первой соборной мечети, в ограде которой – могилы российских муфтиев Тевкелева, Султанова, Расулева. Лицом на Тукаевскую улицу смотрит белокаменный дом с высокой резной дверью – старинная резиденция Оренбургского магометанского духовного собрания, ныне – Центрального духовного управления мусульман России. Эта книга – о Духовном собрании в Уфе и его связях с российской государственностью, с жизнью мусульманского населения Поволжья и Южного Урала.

Российский ислам насыщен поисками, смысловой разногласией, это мир большой, сложный. На фоне строгого арабского ислама он выделяется как мягкий, терпимый, углубленный в себя, ищущий в себе, самокритичный, некрикливый, ненавязчивый, спокойный, достойный, неспешный, неагрессивный, доброжелательный. В Урало-Поволжье и Сибири мусульманки никогда не носили паранджу, хотя затворничество женщины, включая сокрытие лица, – одно из требований строгого арабского ислама. У башкир женщина никогда не была второстепенна. Война? – она садилась на коня позади мужа и вместе с ним ехала на войну. Строгий ислам отказывал людям в праздниках, кроме религиозных, запрещал петь песни и играть на музыкальных инструментах, но народные праздники, национальные джийны целиком построены на песнях, танцах, состязаниях кураистов и кубызистов, на веселье, радости...

Существенно и то место, которое в жизни мусульман Урало-Поволжья занимали суфии, суфийская философия. Если влиянием на мусульман Кавказа пользовалось отличающееся воинственностью суфийское братство Халидийя, шейхи которого возглавляли движение горцев Чечни и Дагестана, то в мусульманских общинах срединной России авторитетом пользовалось, прежде всего, братство Накшбандийя с его терпимостью и самоуглублением. Связь прошлого и настоящего

в данном случае поражает: много веков назад члены суфийских братств распространяли мусульманство на территории нынешней России, первым проповедником ислама среди башкир стал суфий Хусейн-бек, мавзолеем которого рядом с поселком Чишмы являлся издавна местом стихийного паломничества мусульман всего Южного Урала.

Суфиями были почти все муфтии Духовного собрания, начиная с первого, – Мухамеджана Хусейнова. Огромным влиянием пользовались на Урале суфийские шейхи Курбангалиевы – Габдул-Хаким, Габидулла и Мухаммед-Габдулхай. Авторитетным духовным мастером, к которому люди стекались тысячами, стал шейх Накшбандийа Зайнулла Расулев, в числе мюридов и последователей которого муфтии Галимджан Баруди, Риззэтдин Фахретдинов, сын шейха Зайнуллы муфтий Габдрахман Расулев и муфтий Шакирьян Хиялетдинов. Наконец, древняя суфийская практика позволяет лучше понять особенности мышления и поступков Верховного муфтия Центрального духовного управления мусульман России. Поэтому мы не только выделяем черты суфизма в духовном поиске российских мусульман, но и сама книга написана с опорой на суфийские источники, во многом сообразуясь с их духом.

Из суфийских притч и обучающих рассказов идет свет. Идет и идет, несмотря на зияющие бездны. Но не бездна страшит, страшит теснота, замкнутость. Бездна не пугает, напротив, она зовет к себе. В бездне сами собой разворачиваются крылья, и начинаешь парить. В тесноте же крылья не развернешь. Они даже не вырастают...

Не только по статусу, но и по масштабам своей деятельности, Духовное собрание – учреждение общероссийское. Масштаб и широта деятельности муфтията определяет и круг героев нашего повествования. С одной стороны, эта книга – своего рода биография российского ислама, просмотренной через судьбы некоторых его ключевых фигур. Это муфтии Мухаметжан Хусейнов, Габдессалам Габдрахимов, Габдельвахит Сулейманов, Салимгарей Тевкелев, Мухамедьяр Султанов, Мухаммад Сафа Баязитов, Галимджан Баруди, Риззэтдин Фахретдинов, Габдрахман Расулев, Шакирьян Хиялетдинов, Габдельбарый Исаев и Талгат Таджуддин. С другой стороны, среди героев книги – ученые, литераторы и поэты, судьбы которых тесно связаны с историей Духовного собрания и российского мусульманства – Мухаметсалим Уметбаев, Исмаил Гаспринский, Ахмед-Заки Валиди, а также государственные деятели

различного масштаба – петербургские вельможи и министры, уфимские наместники и губернаторы, деятели революции и гражданской войны, советские комиссары, дипломаты и влиятельные чиновники.

Мы исходим из того, что история российского мусульманства только пишется. К истине еще нужно идти, продираясь сквозь колючий кустарник обмана, невольной лжи и газетных мифов, которыми окружен российский ислам.

В работе над книгой автор опирался на работы востоковедов дореволюционной поры, а также работы современных историков, прежде всего, глубокие и аргументированные исследования исламоведов Д.Д. Азаматова и А.Б. Юнусовой (работы этих ученых по истории Духовного собрания для нас являются опорными), а также монографии и статьи Е. Резван, Р. Силангьева, А.Ю. Хабутдинова, М.Н. Фархнагова, А.А. Ямаевой, С.М. Исхакова, И.К. Загидуллина и других, труды которых перечислены в конце книги. В то же время хотим подчеркнуть – эта книга не является научным исследованием, повествовательный стиль изложения соответствует жанру художественной документалистики, ориентирован на широкую аудиторию.

В работе над изданием использованы документы и фотоматериалы, предоставленные Центральным духовным управлением мусульман России, Национальным музеем Республики Башкортостан и Центральным государственным историческим архивом Республики Башкортостан, а также материалы, опубликованные в журналах и газетах «Отечественные архивы», «Эхо веков», «Бугар», «Маглюмат», «Бельские просторы», «Ватандаш» и других.

Автор благодарит за отзывы и рабочие замечания по книге Верховного муфтия Талгата Таджуддина, декана факультета башкирской филологии и журналистики Башгосуниверситета, профессора М.В. Зайнуллина и профессора Башгосуниверситета Т.А. Кильмухаметова. Особую признательность автор выражает коллективу Государственного республиканского издательства «Башкортостан», всем, кто работал над выпуском этой книги: благодаря их профессионализму книга получилась очень серьезным по полиграфическому исполнению изданием.

Автор с благодарностью примет замечания и дополнения, постарается учесть их в дальнейшей работе. Просим направлять письмом по адресу: 450079, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, 13, Государственное республиканское издательство «Башкортостан», для Синенко С.Г.

Часть первая

МЕЖДУ МОЛИТВОЙ И МОЛЧАНИЕМ

Глава I

ПОСОЛЬСТВО В СТРАНУ БУЛГАР

Первые столетия эпохи хиджры. - Путешествие Ибн-Фадлана, обычаи и верования жителей Степного края и Урало-Поволжья. - Принятие ислама булгарами. - Мусульманские проповедники в Урало-Поволжье. - Булгар и Золотая Орда. - Тысячелетие спустя: находка Ахмет-Заки Валиди.

1.

Летом 908 года Джафар ал-Муктадир стал багдадским халифом. Ему исполнилось в то время всего тринадцать лет. Халифат занимал огромные пространства от Египта до Памира, от Аравии до Кавказа. Всюду славил Аллаха и его земного наместника, повелителя правоверных - халифа ал-Муктадира.

Мальчик, почти ребенок, с утра до вечера он проводит время в гареме. Но главная его страсть - редкие животные. Из Аравии ему в дар прислали зверинец с морскими животными, из Восточной Азии - желтых обезьян, из Африки - гигантского муравья, скованного цепью и посаженного в железную клетку. Правда, муравей по дороге сдох, но его забальзамировали, положив в «горький сок».

Сразу после того, как унесли муравья, в зал пригласили посла из далекой северной страны. Он прибыл от Алмуша, царя Булгарии, что на реке Итиль. Посол сообщал, что царь его принял ислам и просит прислать к нему кого-либо, кто наставил бы его в вере, преподавал бы ему законы ислама, построил бы мечеть.

Он привез и другую радостную весть: огузы, дикие степные племена, также готовы принять ислам.

Была еще одна, менее возвышенная просьба - построить крепость для защиты Булгарии от хазар-иудеев, лютых врагов Алмуша, которые взимали с него ежегодную дань.

И тогда во дворец позвали Ибн-Фадлана.

Что знаем мы о его жизни?

Был он чистокровным арабом, катибом - секретарем-законоведом, притом родовитым; его полное

имя включает длинный ряд предков с чисто арабскими именами - Ибн-Фадлан Ахмед ибн-аль-Аббас ибн-Рашид ибн-Хаммад.

В придворных интригах он не преуспел, был беден и неполноправен. Хотя и жил при дворе, был зависимым человеком. Славился своими обширными знаниями и утонченным пониманием людей. Он нередко выступал советчиком в деликатных делах.

О булгарах он мог рассказать немного. Прежде всего, было известно, что именно от них среднеазиатские купцы получали пушнину, за которую золотом платили на багдадских рынках. Известно было и о том, что в северных краях живет множество племен и народов, поклонявшихся каждое разным богам.

Слышал Ибн-Фадлан и про живущих в северных краях русах. Несколько лет назад их воины на пятистах ладьях пришли в Каспий и опустошили его южные берега. Войска халифа потерпели поражение, никто не мог им противостоять пока они, захватив богатую добычу, не ушли сами.

Хазар в халифате знали хорошо. Войны с ними арабы вели почти три века. К тому же хазарская знать, обратившаяся в иудейскую веру, мешала распространению ислама.

«Если огузы и булгары примут ислам, - говорит Ибн-Фадлан, - если они, объединившись, смогут разгромить иудеев-хазар, надет преграда к распространению учения пророка в северных странах, авторитет халифа возрастет».

Письмо от болгарского царя заставляет думать о новых просторах, новых землях, новых подданных.

2.

Мусульманский мир, который европейские люди обычно противопоставляют западному по таким категориям как динамичность, способность к переменам и восприятию нового, в момент своего возникновения отличался именно тем, что принято считать свойствами западной цивилизации – свободой, открытостью, многоцветьем, динамичностью, способностью познавать неизведанное. Не было ни замкнутости, ни догматизма, напротив, – энергия, активность, торжество живой мысли, способность к восприятию новшеств – античной философии, математики и астрономии, христианских ценностей всепрощения и жертвенности, буддистской практики самоуглубления и самоанализа... Распахнутость, открытость культурным мирам – вот яркая черта раннего мусульманства.

По христианскому григорианскому календарю 16 июля 622 года сподвижники пророка ислама Мухаммада ибн Абдаллаха, числом около двухсот, начали переселение из аравийского города Мекки в

Хиджра, переселение пророка Мухаммада из Мекки в Медину в 622 г. Эта дата принята в качестве начальной точки мусульманского летоисчисления, ведущегося и по сей день по лунному календарю. Рисунок художника Н. Ушита

расположенный неподалеку город Ясриб, названный впоследствии Мединой. Переселение по-арабски – «хиджра». Следующий 623-624-й год и стал первым годом мусульманского летоисчисления – хиджры.

Прошло менее сорока лет с того момента, и под властью Арабского халифата находилась уже вся Палестина, Аравия, Сирия, Иран, Ирак, Египет и Кипр. Еще через шестьдесят лет в сферу влияния ислама вошли Афганистан, часть Индии и северная часть Африки, Сицилия, Испания, Армения и Азербайджан. Арабские бедуины вышли в евразийские степи и на границы Китая. Еще два века понадобилось им, чтобы из полукочевых племен превратиться в один из самых цивилизованных народов своего времени, а арабо-мусульманской культуре – достичь своей зрелости и начать замедляться, утрачивая первоначальный динамизм, но пока же стремительному росту культуры благоприятствовали обстоятельства.

Выйдя за пределы Аравийского полуострова, арабы столкнулись с древними высокоразвитыми цивилизациями. В результате в сферу создания новой культуры оказались втянуты народы многих и разнополярных культур. В орбите арабского влияния возникла сфера активного диалога языков и культур. Греки, персы, сирийцы, копты, византийцы – каждый привносил свое.

Арабские кочевники активно вбирали и перерабатывали в соответствии со своими ценностями духовные ценности античности, христианской Византии и Иудеи. На первых порах усвоение чужих традиций шло стихийно. Арабы оставались поначалу лишь меньшинством и уступали своим новым подданным в уровне развития. Принявшие ислам кочевники Аравии, воины, пастухи и торговцы, не имеющие навыков государственного управления, нуждались в чиновниках, ремесленниках, ученых и врачах. И ко двору мусульманских правителей потекли строители, математики-геометры, медики, алхимики, астрологи. Не принимая ислам, они занимали при дворе высокое положение. Под их влиянием у арабов стал пробуждаться собственный интерес к наукам и искусствам иноверцев.

Арабо-мусульманской культуры на этом этапе, как таковой, еще не существует. Есть мусульманская вера, отраженная в Коране. На ее основе постепенно развивается мусульманская ученость. Имеет она очень характерный уклон в законоведение и филологию. Прежде всего в лингвистику. Но это – почти все.

В халифате того времени администрация, наука и ремесло по происхождению и своим представителям не являлись мусульманскими. Они сосуществуют рядом с зарождавшейся арабо-мусульманской культурой и стихийно воздействуют на нее. Сама же мусульманская культура еще не осознала себя как целостность.

На рубеже VII-VIII веков, при первой мусульманской династии, Омейядской, положение меняется. Осваиваются новые сферы деятельности, прежде всего - государственно-административные. Делопроектирование и управление переводится на арабский язык, казна начинает чеканить собственные арабские монеты. Внутри государственного аппарата складывается сообщество арабоязычных чиновников-катибов - писцов, законовладельцев, секретарей, играющих очень важную культурную роль. Одновременно с этим в среде Омейядов зарождается интерес к греческой науке. В большом количестве в Византии и Египте скупаются, а затем переводятся на арабский язык, книги античных философов, историков, химиков.

Следующая вежа в культурном развитии халифата - середина VIII века, когда Омейядскую династию сменила Аббасидская. Аббасиды, пришедшие к власти на волне недовольства мусульман неарабского происхождения своим неравноправным положением, уравнивали в правах всех мусульман, независимо от их национальности.

Освоение греческого наследия продолжается. За несколько десятилетий Аббасидского правления складывается основа мусульманской традиции. Из общего объема научных знаний выделяются отдельные дисциплины: корановедение - наука о чтении и толковании Корана, оформляется сунна - предание о пророке Мухаммаде и изучающая их наука - хадисоведение, складывается языковедение - грамматика и лексикология, возникает законоведение.

В исламе появляется первая богословская школа - мутазилииты. В кругах мусульманских богословов растет интерес к логике и метафизике, стремление включить их в религиозную догматику. Начинается запись доисламской арабской поэзии, легенд и сказаний, которые таким образом входят в состав арабо-мусульманской словесности.

Численно и интеллектуально разрастающееся сообщество катибов создает в мусульманском обществе новую культурную среду, становится посред-

ником между исламским богословием и античной философией.

Эта среда диктует новые ценности. В отличие от традиционной мусульманской учености, опирающейся на строгие знания и предписания, в среде катибов ценят больше общую эрудицию, оригинальное мышление, владение устной речью и письменным слогом, знание литературы - поэзии, притч и легенд, но не строгой науки.

В основе такого подхода - принцип тигля, когда от всего берется понемножку. Смесь разнородных элементов - вот главное достоинство такого подхода. Возникает сплав: мудрость Ирана и Индии соединяются с наследием Греции и христианства.

Рубеж VIII-IX веков можно было бы назвать эпохой переводов и раздвижения горизонтов. По всему халифату возникают переводческие центры, культу-

Арабские воины-мусульмане. Гравюра конца XIX в.

ра стремится к освоению нового. Багдад переводит и изучает Аристотеля, Платона, Плотина, Прокла, Галена.

Античная волна захлестнула своим средиземноморским прибоем иссушенные аравийские пустыни. Волну эллинизма уже не остановить. Число переводов огромно и все растет. Греческие идеи проникают во все стороны жизни образованных мусульман, соединяясь с кораническим учением и исламским законотворчеством.

Наконец, в начале X века мусульманский мир осознает свою зрелость. Он ощущает потребность оглядеть пройденный путь, подвести итоги, свести все воедино. Желание это соседствует с прежней устремленностью к новым горизонтам, хотя пределы владычества уже труднообозримы.

На северной его границе, в царстве тюрков, болгар и русов не побывал еще ни один проповедник из Багдада.

Близкие к багдадскому халифу вельможи, посоветовавшись, решают отправить ответное посольство немедленно. Однако казна пуста. Что делать? Незадолго до этого в Хорезме конфисковано поместье опального министра. Решено его продать, а на вырученные средства построить болгарскому царю крепость. Находится и покупатель, который обещает вручить деньги послам по дороге в страну болгар.

Другой вопрос. Кого назначить послом? Назир ал-Харамы, начальник внутренних покоев халифа и самый близкий к нему человек, предлагает кандидатуру своего приближенного Сусана ар-Расси, бывшего раба, получившего свободу и прислуживающего при дворе.

Это тот случай, о котором на Востоке принято говорить: «Крошки со стола эмира больше, чем халва, подаренная купцом». Бывший раб, ныне – придворный льстец, назначен послом халифа.

В состав посольства включают еще несколько выходцев из стран, населенных тюрками, – они могут пригодиться как советники и переводчики, а также знатоков мусульманского права и учителей веры. Дают слуг и охрану.

Нет лишь образованного и грамотного человека, способного вести переговоры и руководить религиозными делами миссии. Тогда и решено было назначить секретарем посольства Ибн-Фадлана.

3.

21 июля 921 года посольство покинуло Багдад.

Дорога вела через Иран в Бухару. Здесь полагалось навестить вассала халифа. Оттуда – в низовья Амударьи, в Хорезм, и далее, через пустыни, степи и реки, мимо неведомых гор на север, в Булгарское царство. Ехать через Кавказ, оплот врагов халифа, нельзя, а в низовьях Волги лежит враждебная иудейская Хазария. Иран же близок и знаком.

Дорога, проложенная еще тысячу лет назад, ведет среди тщательно ухоженных полей. Правители каждого из городов оказывают посольству внимание. Здесь не нужен военный эскорт. Посольство походит на обычный купеческий караван, передвигается неспешно, задерживаясь в каждом городе на два-три дня.

Севернее идут владения среднеазиатской династии Саманидов, вассалов халифа. Спокойная, хо-

рошо охраняемая дорога с полицейскими постами, таможенными заставами и караван-сараями ведет в Бухару. Хотя по дороге приходится пересечь восточные Каракумы, путники идут дорогой с колодцами и заботливо подготовленными привалами.

В Бухаре послам устроена торжественная встреча, их принимает эмир, заверяет о помощи. Нет лишь одного – обещанных денег. До наступления холодов посольству необходимо достигнуть Хорезма, но без средств на строительство крепости для болгарского царя путешествие теряет смысл.

Ибн-Фадлан предлагает дожидаться денег, но он в посольстве лишь секретарь. Сусан, посол, спешит, ему кажется, что деньги для посольства второстепенны: «Как же, царю болгар оказывается такая честь, сам халиф шлет к нему посольство, какое значение по сравнению с этим могут иметь какие-то деньги?!»

На корабле посольство спускается вниз по Амударье в Хорезм, ко двору хорезмшаха Мухаммеда ибн-Ирака, который одаривает послов и устраивает их на жилье.

Но хорезмшах совсем не рад посольству. С Булгарией он торгует самостоятельно, посредники ему не нужны. К тому же ислам болгары приняли именно под его, хорезмийским влиянием. С хазарами же Хорезм всегда находился в дружбе. Мухаммед ибн-Ирак имеет среди них многочисленных друзей и общие интересы. Иудеи мешают распространению ислама и это, конечно, прискорбно, но приходится с этим мириться...

Хорезмшах не говорит послам обо всем, внешне он проявляет заботу: «Я задерживаю вас, беспокоясь о вашей же безопасности, – непозволительно было бы мне допустить, чтобы вы веленую рисковали вашей кровью».

Но послы настаивают, ссылались на халифа, и, в конце концов, Мухаммед ибн-Ирак уступает, обещав предоставить охрану и проводников. Но отправляться в холода на север нельзя, зимовать приходится в Хорезме. Посольство надолго задерживается.

Задул северный ветер, руки стыли на ветру. Безразличные дни смотрели друг в друга. Серые вороны качались на верхушках деревьев, сохраняя равновесие с помощью растопыренного хвоста и легких взмахов крыльями. Облака росли из холмов у самой сбури коня.

Ибн-Фадлан впервые увидел снег и холод, который он сравнил с вратами открывшегося перед ним

ада. «Снег падает не иначе как с порывистым сильным ветром. Базар и улицы пустеют до такой степени, что человек обходит большую часть улиц и базаров и не находит никого, и не встречается ему ни один человек. Не раз выходил я из бани и когда входил в дом, то смотрел на свою бороду, а она – сплошной кусок снега, так что я, бывало, оттаивал ее у огня».

В феврале холода стали убывать, пора было ехать дальше.

Посольство уже не было таким бодрым, как восемь месяцев назад, когда оно выезжало из Багдада. По дороге сбежала часть свиты, отстали проповедники, отказались ехать дальше и законовед, и учитель. Ибн-Фадлан остается единственным из тех, кто может выполнить посольскую миссию.

Денег для постройки крепости по-прежнему нет, но Сусан и те, кто его окружает, отнесятся к этому легкомысленно. Ибн-Фадлан предупреждает: «Вы придете к иноязычному царю, и он потребует это от вас». Они же говорят: «Не бойся этого. Право же, он от нас не потребует». Я же предостерег их и сказал: «Я знаю, что он потребует от вас». Но они не приняли моих предостережений».

Так, без денег, отправилось посольство дальше на север.

«Мы купили тюркских верблюдов и велели сделать дорожные мешки из верблюжьих кож для переправы через реки, через которые нам нужно будет переправляться в стране тюрков. Мы запаслись хлебом, просом и сушеным мясом на три месяца. Те из жителей этой страны, с которыми мы дружили, предложили нам воспользоваться их помощью в отношении одежд и постараться умножить их количество. Они представили наше предприятие в ужасном виде и изобразили его чрезвычайно трудным, но когда мы все это сами увидели, оно оказалось вдвое труднее того, что нам было описано».

Итак, на каждом из нас была куртка, поверх нее кафтан, поверх него шуба, поверх нее длинная войлочная одежда, покрытая кожей, и бурнус, из которого торчали только два глаза, шаровары одинарные и другие с подкладкой, гетры, сапоги из шагреновой кожи и поверх другие сапоги, так что каждый из нас, когда ехали верхом на верблюде, не мог двигаться от одежд, которые были на нем».

С таким снаряжением посольство выехало в степь.

Переезд через Устюрт был нелегким. Посольство отправилось в дорогу в марте – месяце сильных ве-

тров, когда лицо сечет песок пополам со снегом. «Мы встретили бедствия, трудности, сильный холод и беспрерывные снежные метели, при которых холод Хорезма был подобен летним дням. Мы позабыли обо всем, что с нами было до этого, и были близки к гибели наших душ».

На шестнадцатый день путешественники подъехали к краю плато. Они остановились у края неведомого.

4.

Раньше они ехали через страны, о которых при дворе халифа было известно хотя бы понаслышке. К тому же народы, их населяющие, признавали могущество и силу повелителя правоверных. Теперь же, спустившись с безводного плато Устюрт, караван вышел к незнакомым степным кочевьям.

В небе плыл, опрокинувшись на спину, молодой месяц. Мягко ступала лошадь по молодой траве, по непросохшей до конца земле.

Мир, в который они вступили, был ограничен обрывами плато. Им было видно только само пространство огромной степи, небо и синие стены на горизонте – другие обрывы Устюрта. Ибн-Фадлану эта картина напомнила о море: именно такой туманной стеной встает оно между землей и небом, когда смотришь на него с высоты.

Он поднялся на один из высоких курганов. Каждый шаг вверх раздвигал окружающий мир. Все новые и новые курганы поднимали свои седые головы. Верхушки их были присыпаны не то солью, не то белым камнем.

На открывшейся перед ним вечерней равнине курились дымки. Стада овец казались большими колышущимися озерами, по которым плавали всадники на лодках с лошадиными головами. Кое-где стояли кибитки, рядом с ними виднелись люди с непривычными для арабов безбородыми лицами. Это были огузы.

«И вот они, кочевники, – дома у них из шерсти, они то останавливаются табором, то отъезжают. То видишь их дома в одном месте, то те же самые в другом месте, в соответствии с их образом жизни и с их передвижением».

Этрэку, начальнику огузского войска и зятю болгарского царя, послы вручили богатые подарки: одежду из парчи и шелка, сапоги из красной кожи, а также мускус, изюм, орехи, перец и просо.

Этрэк не остался в долгу. «Он разбил для нас тюркские юрты и поселил нас в них... Он пригнал к нам овец и привел лошадей, чтобы мы закалывали овец и ездили бы верхом на лошадях». Этрэк даже сопровождал гостей в поездках, демонстрируя им свою силу и ловкость. «Однажды, в то время как он сопровождал нас на своем коне, я увидел, что несется летящий гусь. Он натянул лук, погнался под него свою лошадь, потом выстрелил в него, и вот уже сбил его вниз».

Кроме сообщений о нравах и обычаях огузов, Ибн-Фадлан оставил детальное описание похорон одного из воинов, для которого вырыли большую прямоугольную могилу «в виде дома», поместили туда вещи покойного и соорудили над могилой земляной курган – «нечто вроде купола из глины».

Особо примечательным показался Ибн-Фадлану обычай погребения вместе с человеком останков коня. «Потом возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убьют сто голов или двести, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И, право же, они растягивают все это на надмогильный настил и говорят: «Это его лошади, на которых он поедет в рай...»

Послы рассказывали кочевникам о достоинствах веры в Аллаха и многое из сказанного убеждало слушателей. Но главные решения Этрэк принимал только на совете предводителей племен.

И вот теперь решалась их судьба. Когда Этрэк собрал совет предводителей племен, Ибн-Фадлан, находившийся неподалеку, через переводчика узнал, что обсуждаются вовсе не вопросы о принятии огузами ислама, а о том, как поступить с самим посольством.

Один из самых знатных вождей, как оказалось, заявил: «Это нечто такое, чего мы не видали и о чем не слыхали, и мимо нас никогда не проходил посол какого-либо государства с тех пор, как существуем мы и отцы наши. Лучше всего разрезать этих посланцев каждого пополам и забрать то, что с ними имеется».

Другой вождь возразил: «Нет! Но возьмем то, что с ними, и оставим их голыми, чтобы они возвратились туда, откуда прибыли».

Поднялся третий, возражая: «Нет! У царя хазар есть наши пленники. Так пошлем же вот этих, чтобы выкупить ими тех».

Ибн-Фадлан слушал, решалась участь всего посольства, его участь.

Ради чего он оказался в этой дикой стране, среди чужих людей? Что погнало его в путь – бедность, жажда славы, стремление к новым знаниям или надежда, что неведомые племена действительно примут веру, которую он почитал истиной?

Ибн-Фадлан рассказал Сусану обо всем, что он услышал от переводчиков, и лицо у того побелело. Решено было пустить в ход подарки. Самые богатые подарили тем, кто был настроен враждебнее других. «Они не переставали спорить между собой семь дней, в то время как мы находились в смертельном положении, пока они не решили, что отпустят нас с миром».

Радоваться приходилось уже тому, что остались живы. Прошел уже год, как посольство покинуло Багдад, но на всем длинном пути не было пока ничего, кроме неудач.

5.

Дорога вела через бескрайнюю степь, весна была в разгаре, вода прибывала с каждым днем. Не различить было уже ни неба, ни равнины – все заполнил собой туман и блестящая между островками земли вода.

Переправа через реки стала опасным делом, все время приходилось быть начеку и высылать вперед военную охрану, «из боязни башкир, что они нападут врасплох на людей, когда они будут переправляться».

На берегах озера Шалкар послы встретили печенегов. Те были бедны, но гостеприимны, и у них остановились отдохнуть на день.

Потом караван подошел к реке Яик или Урал. Она показалась посланцам, еще не видевших Волги, самой большой рекой, с самым быстрым течением.

Реки тогда были насыщены злыми духами, и переправляться, не помолвившись, было небезопасно.

Переправились с большим трудом. Сильное течение переворачивало надувные мешки, на которых плыли люди. «Я видел дорожный мешок, который перевернулся в ней и те, кто был в нем, потонули. И вообще погибло много человек из числа наших людей и потонуло некоторое количество верблюдов и лошадей».

Потом ехали много дней. Дороги стали круты, как скальные щели. Переправились через реки Джага, Иргиз, Муса, Самару, Кинель и Сок пока не попали где-то на берегах реки Кондурчи «в страну народа из числа тюрков, называемого башкиры».

Утонченный мусульманский интеллигент и богослов Ибн-Фадлан подробней всего пишет о тех чер-

тах встреченных им народов, которые больше всего его поразили. У башкир это были их верования.

«Каждый из них вырубает палочку величиной с фала и вешает ее на себя. И если он захочет отправиться в путешествие или встретить врага, то целует ее, поклоняется ей и говорит: «О господи, сделай для меня то-то и то-то». Я сказал переводчику: «Спроси кого-либо из них, какое у них оправдание этому действию и почему он сделал это своим господом?» Он (спрошенный) сказал: «Потому что я вышел из подобного этому и не знаю относительно самого себя иного создателя, кроме этого».

От них они слышали о божествах, которым те поклоняются. «Кое-кто из них говорит, будто бы у него двенадцать господинов: «у зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе, самый большой из них. Однако он объединяется с теми в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ». Посольство узнало, что «одна группа из них поклоняется змеям, другая группа поклоняется рыбам, еще одна группа поклоняется журавлям».

Путешественники отправились дальше, переправляясь через многочисленные притоки Итиль-Волги. Миновать их, выйдя к самой реке, они не решались. Тяжело нагруженный караван едва ли мог пройти по затопленному весенним паводком болотистому берегу. К тому же, около Самарской луки, там, где Волга делает изгиб, находился сторожевой пост хазар.

Наконец посольство въехало в Булгарию. Весть об этом быстро распространилась по стране, а прием превзошел все ожидания.

Когда караван находился на расстоянии дня и ночи пути от ставки болгарского царя Алмуша, тот послал для встречи четырех царей, находящихся под его властью, своих братьев и своих сыновей. «Они встретили нас, неся с собой хлеб, мясо, просо, и поехали вместе с нами. Затем он встретил нас сам, и, когда он увидел нас, он сошел с лошади и пал ниц, поклоняясь с благодарением Аллаху, великому, могучему». Все это, несмотря на то, что «был он человек очень толстый и пузатый».

Торжественная встреча, почет, оказанный послам, подчеркнутое преклонение царя Алмуша перед халифом – он назвал ал-Муктадира своим господином, а себя его клиентом, – все говорило об успехе

миссии. Предстоящие переговоры предвещали быть легкими и приятными.

...Когда тени удлиннились, и меж деревьев стал подниматься вечерний туман, беседа в лагере путешественников сама собой умолкла. Наверное, ни разу за все время пути они не ложились спать с чувством такого покоя и облегчения.

Но спать Ибн-Фадлану не пришлось. «Я увидел, как перед окончательным исчезновением света солнца, в обычный час молитвы, небесный горизонт вдруг сильно покраснел. И я услышал высоко в воздухе громкие звуки и сильный гомон».

Ибн-Фадлан стоял в ночи, воздевая к небу руки. Со стороны казалось, что он срывает звезды. «Я поднял голову, и вот недалеко от меня облако, красное, подобное огню, и вот этот гомон и эти звуки исходят от него. И вот в нем подобия людей и лошадей, и вот в руках отдаленных находящихся в нем фигур, похожих на людей, луки, стрелы, копья и обнаженные мечи. И они представлялись мне то совершенно ясными, то лишь кажущимися. Мы же испугались этого и начали просить и молить, а они, жители страны, смеются над нами и удивляются тому, что мы делаем».

Для них, жителей Булгарии, северное сияние было делом привычным и хорошо знакомым. Араб же увидел его впервые. Следующей ночью чудес на небе не было, но сама ночь, какой она должна быть – темной и звездной, приносящей успокоение и отдых, никак не наступала.

Ибн-Фадлану не спалось. «Я сел вне юрты и наблюдал небо, и я увидел на нем только небольшое число звезд, думаю, что около пятнадцати рассеянных звезд. И вот красная заря ни в коем случае не исчезает окончательно, и вот ночь с настолько малой темнотой, что в ней человек узнает человека на большем расстоянии, чем выстрел стрелы. Я видел, что луна не достигает середины неба, но восходит на его краях на какой-нибудь час, – потом появляется заря и луна скрывается».

Позднее Ибн-Фадлан узнал, «что день у них очень длинный, а именно, в продолжение некоторой части года он длинен, а ночь коротка, потом ночь длинна, а день короток». А царь болгарский рассказал ему, что еще дальше на север, на расстоянии трех месяцев пути, ночь летом длится менее часа.

После того как посольство прибыло в ставку Алмуша, тот три дня собирал царей, предводителей и знатных. Затем в присутствии народа произошло торжественное облачение Алмуша властью от имени халифа.

Над ставкой развернули два зеленых знамени ислама, оседлали лошадь привезенным из Багдада седлом, надели на царя тюрбан и савад - парадное черное одеяние высших сановников халифата. Правитель Булгарии теперь получил титул эмира и стал, пусть и номинально, наместником халифа.

Затем состоялось торжественное чтение писем халифа, визира и Назира ал-Харамии, причем первые два царь и его свита по предложению Ибн-Фадлана выслушали стоя. После этого секретарь посольства стал вручать подарки. «Я вынул подарки, состоявшие из благовоний, одежд, жемчуга для него и для его жены, и я не переставал представлять ему и ей одну вещь за другой, пока мы не покончили с этим».

7.

Какой-либо точной и бесспорной даты провозглашения ислама религией волжских тюрков, аналогичной дате крещения Руси - 988-й год - не существует. В Поволжье известны захоронения по исламскому образцу и VIII и даже VII веков. Но именно 922-ой год, год прибытия в столицу Булгарского ханства посольства багдадского халифа, секретарем которого являлся Ибн-Фадлан, принято считать временем принятия ислама народами Поволжья.

Однако сами записи Ибн-Фадлана свидетельствуют, что посольство Сусана ар-Расси застаёт булгар отнюдь не в язычестве. Булгары совершают намаз. Властитель Алмуш, взявший себе имя Джафар, имеет дворцовую мечеть, где творит молитвы.

Ибн-Фадлан отмечает учтивость властителя и его окружения, знание ими мусульманских обычаев: при встрече посольства Алмуш-Джафар не забыл поблагодарить великого и могучего Аллаха. После того, как на аудиенции были прочитаны слова из письма халифа Муктадира «мир тебе, и воистину я прославляю, обращаясь к тебе, Аллаха единого и могучего», Алмуш-Джафар пожелал мира повелителю правоверных, и это пожелание было повторено всем собранием. Выслушав письмо, собрание воскликнуло «Аллах акбар!», и так дружно, что «задрожала земля».

Впрочем, секретарь посольства достаточно быстро понял истинный масштаб личности Алмуша-Джафара, логику его поведения. Записи Ибн-Фадлана за второй и последующий дни миссии отражают восхищение ученого араба мудростью и подлинно царским достоинством правителя булгар, отражают

это так же точно, как записи первого дня - безыскусную простоту диалога со щедрыми на поучения, но доверчивыми учителями.

Совпали ли ожидания Ибн-Фадлана и его спутников относительно степени цивилизованности булгар с тем, что они увидели здесь?

Они, конечно, знали о приобщенности страны к миру ислама. Но, видимо, посольство ар-Расси ожидало увидеть его ростки. Вместо этого оно увидело заботливо возделываемый сад.

...А через три дня Алмуш вызвал к себе Ибн-Фадлана, бросил перед ним письма халифа и визира и потребовал денег. Он заявил, что ему нужны деньги и крепость, которая могла бы защитить его от хазар. Что же касается подарков халифа, то, право же, багдадцам не стоило утруждать себя ради них, ибо их отлично могли захватить на обратном пути послы его, Алмуша.

Было только одно утешенье. Алмуш, неплохо разбиравшийся в людях, прямо сказал, что из всего посольства признает только одного Ибн-Фадлана. Но утешенье весьма двусмысленное - деньги-то он тоже требовал с бедного секретаря.

Что оставалось делать? «Итак, я вышел от него, собрал своих спутников и сообщил им, что произошло между ним и мною. И я сказал им: «От этого я вас предостерегал».

Результат посольства сомнений больше не вызывал. К тому же, Алмуш обвинил послов в неповиновении халифу, заявив: «Вы, которые едите хлеб халифа, носите его одежду, во всякое время видите его, вы обманули его в отношении размера той посылки, с которой он отправил вас ко мне, к людям неимущим, вы обманули мусульман. Я не приму от вас руководства в деле своей веры, пока не придет ко мне такой человек, который будет искренен в том, что он говорит. И если придет ко мне такого рода человек, то я приму от него руководство». Так он зажал нам рот, мы не дали никакого ответа и удалились от него».

По существу, посольству пора было отправляться назад, но Алмуш, покончив с делами, вновь стал обходительным и любезным. Жители Булгарии в это время принимают ислам повсеместно, и Алмуш отправляется в поездку по стране с намерением проследить, чтобы все его подданные стали правоверными мусульманами. Послов он приглашает с собой.

Ибн-Фадлан согласился. Заманчивая возможность увидеть то, что никто другой не видел, соблаз-

няла его. Тем более, что спешить в Багдад после стольких неудач было уже ни к чему.

Не исключено, впрочем, Ибн-Фадлан надеялся еще переубедить Алмуша, который к нему явно благоволил. Секретарь посольства с гордостью отмечал: «Он стал оказывать мне особое предпочтение, стал приближать меня к себе, удалять моих спутников».

Он смог увидеть многое, чего не увидели другие. Он смотрел, слушал, расспрашивал и записывал.

Все было здесь не так, как в Багдаде. Необычной для жителя пустынь показалась сама земля, «черная, вонючая», - он никогда не видел плодородного чернозема и удивлялся ему. Пища тоже казалась необычной - «просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень у них в большом количестве».

Природа, увиденная им, поражала.

«Я не видел в их стране чего-либо в большем количестве, чем деревьев».

«Я не видал нигде большего количества молний, чем в их стране».

«Я видел, что змей у них такое множество, что вот на ветке дерева, право же, иной раз накрутится десяток их и более. Они не убивают их, и змеи им не вредят».

Удивляли и жители страны, совсем не похожие на подданных халифата. «Каждый, кто что-либо посеял, берет это для самого себя. У царя нет на это никакого права, кроме лишь того, что они платят ему в каждом году от каждого дома шкурку соболя».

Царя здешние люди приветствуют, но слишком высоких почестей не воздают. «Все они носят шапки. Когда царь едет верхом, он едет один, без отрока, и с ним нет никого. Итак, когда он проезжает по базару, никто не остается сидящим - каждый снимает с головы свою шапку и кладет ее себе под мышку. Когда же он проедет мимо них, то они опять надевают свои шапки себе на головы».

Особенно удивляло араба, привыкшего к тому, что женщина при муже является покорной служгой, то, что на приемах жена царя сидит с ним рядом, а также то, как жители страны относятся к наготe. «Мужчины и женщины спускаются к реке и моются голые, не закрываются друг от друга и не совершают прелюбодеяния никоим образом и никоим способом».

К моменту приезда посольства халифа в стране уже появились факихи - знатоки мусульманского права-фикха. Судя по полемике, возникшей между одним из болгарских ученых и секретарем посольства Ибн-Фадланом, можно предположить, что мест-

ные факихи уже разбирались в религиозных вопросах и обладали определенным влиянием в обществе, а споры, которые возникали вокруг религиозных вопросов и отсутствие общего по ним решения говорят о том, что в стране еще отсутствуют муфтии, чьи фетвы, богословско-правовые заключения, определяли бы религиозную практику для всех ее жителей. Скудность наших знаний о прошлом не позволяет судить о том, как именно было построено в древней Булгарии управление духовенством.

8.

Они путешествовали по стране уже долго. В это время пришла весть, что приплыли русы и расположились у реки вблизи базара.

Русы торговали мехами и продавали рабов. Свои корабли они подвели к пристани, а толпа народа на берегу приветствовала их, как давних знакомых. Высокие, румяные, белокурые, с голубыми глазами и окладистыми бородами, они были в легкой одежде, несмотря на прохладную погоду. У каждого из них меч, топор и кинжал.

Начали они с того, что воткнули в землю длинные бревна и разложили перед ними хлеб и мясо. Араб подошел ближе и увидел вырезанные из дерева глаза идола на плоском, почти человеческом лице.

На берегу русы построили деревянные дома и разместили в них свой товар. Двери в них никто не запирает, но все знали, что если они поймают вора, то поведут его к длинному толстому дереву, привяжут ему на шею крепкую веревку и повесят его на нем.

Ибн-Фадлана поразили их деньги. «Их монета - серая белка без шерсти, хвоста, передних и задних лап и головы, а также соболя. Если чего-либо недостает, то от этого шкурка становится бракованной монетой. Ими они совершают меновые сделки, и оттуда их нельзя вывезти, так что их отдают за товар».

Ибн-Фадлан рассказывает, что один «выдающийся муж из их числа» умер. Его положили в могилу, покрыли настилом и оставили так, пока не закончили кройки его одежды. Поскольку умерший был человеком богатым, деньги его разделили на три части; треть - для семьи, треть - чтобы скроить одежды для покойного, и треть - чтобы приготовить хмельной напиток, который будут пить на похоронах.

«И сказали его девушкам: «Кто умрет вместе с ним!» И сказала одна из них: «Я». Итак, ее поручили девушкам, чтобы они охраняли ее и были бы с нею,

куда бы она ни пошла, настолько, что они иногда даже мыли ей ноги своими руками. А девушка каждый день пела, веселясь, радуясь будущему». Ей, рабыне, на том свете предстояло стать свободной женщиной, женой одного из самых именитых русичей. Ибн-Фадлан пишет о браслетах на ее ногах, из чего можно заключить, что, скорее всего, она была мордовкой - известно, что другие народы Бугарии такие браслеты не носили.

«Когда же наступил день, в который должны были сжечь его и девушку, я прибыл к реке, на которой находился его корабль, и вот вижу, что он уже вытасчен на берег и для него поставлены четыре подпорки из дерева белого тополя и другого дерева, и поставлено также вокруг корабля нечто вроде больших помостов из дерева. Потом корабль был протасчен дальше, пока не был помещен на эти сооружения. И они стали его охранять, ходить взад и вперед и говорить речью для меня непонятной».

Потом русичи стали обряжать покойника. «Они надели на него шаровары, гетры, и сапоги, и куртку, и парчовый кафтан с пуговицами из золота и надели ему на голову шапку из парчи, отороченную соболем. И они понесли его, пока не внесли его в ту палатку, которая имеется на корабле, и подперли его подушками. И принесли хлеба, и мяса, и луку, и бросили это перед ним, и принесли собаку, рассекли ее пополам и бросили ее в корабль. Потом принесли все его оружие и положили его рядом с ним. Потом взяли двух лошадей и гоняли их до тех пор, пока они не вспотели. Потом рассекли их мечами и бросили их мясо в корабль. Потом привели двух быков, также рассекли их и бросили их в нем. Потом доставили петуха и курицу, убили их и оставили в нем». Затем задушили девушку и положили ее рядом со своим господином.

Один из ближайших родственников покойника зажег положенное под корабль дерево. Прошло меньше часа, и корабль, и жертвенные животные, и мордовская девушка, и знатный русич, - все они превратились в золу, а потом в мельчайший пепел.

Ибн-Фадлан задумчиво глядел на огонь, а стоявший рядом рус говорил ему через переводчика: «Вы, арабы, берете самого любимого вами из людей и самого уважаемого вами и оставляете его в прахе, и едят его насекомые и черви, а мы сжигаем его в мгновение ока, так что он немедленно и тотчас входит в рай».

Ибн-Фадлан не ответил. За все длинное путешествие ученый араб впервые не вступил в диспут с

язычником. «Потом они соорудили нечто вроде круглого холма и водрузили в середине его большую деревяшку белого тополя, написали на ней имя этого мужа и царя русов и удалились».

9.

Пока Ибн-Фадлан путешествовал по стране, хазары, прослышав о посольстве халифа, решили показать Алмушу, что Багдад далеко, а они, хазары, близко.

Хазарский царь приказал разрушить минарет в своей столице и казнить муэдзинов. Он сказал: «Если бы, право, я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной неразрушенной синагоги, я обязательно разрушил бы и мечеть».

Алмуш понимал, что на помощь халифа, который далеко, и который к тому же не выполнил просьбу о помощи в постройке крепости, полагаться не стоит. Об этом он прямо говорит Ибн-Фадлану.

Все, миссия закончилась. Пора возвращаться...

Последние главы книги Ибн-Фадлана не сохранились, поэтому подробности обратного пути нам неизвестны. Знаем лишь, что возвращалось посольство вновь через страну огузов, предков современных казахов, через Хорезм, а оттуда через Каракумы в Иран. Вернулось оно в Багдад весной 923 года, через год и десять месяцев после начала путешествия.

Невеселым было это возвращение.

Ничто из задуманного не удалось.

Огузы ислам не приняли. Алмуш, царь болгарский, разочаровавшись в могуществе халифата, предпочел платить хазарам дань. И из планируемой коалиции против иудеев ничего не вышло - те сами обернули оружие против мусульман.

Даже в духовных вопросах посольство потерпело неудачу - вопреки стараниям Ибн-Фадлана Алмуш принял не багдадскую, а среднеазиатскую обрядность, подчеркнув, тем самым, что торговые и дружеские связи с Бухарой он ценит выше благоволения халифа.

И наконец последнее, самое обидное.

Отчету, составленному Ибн-Фадланом, никто не поверил. Не поверили рассказам о чудесной стране с огромными реками и черной землей, о людях, поклоняющихся журавлю, и о тех, кто поклоняется деревянным богам.

У Ибн-Фадлана оставался еще один шанс. Написать книгу, чтобы подробно рассказать обо всем,

«что видел собственными глазами со времени своего выезда из Багдада и до того, как возвратился в него».

Книгу Ибн-Фадлан написал. Но и это не помогло.

В том же 923 году в Омане, в Южной Аравии, была поймана рыба исполинских размеров. Одного жиру из нее вытопили пятьсот ведер. Для показа халифу ее доставили в Багдад. Она была так велика, что, как передает очевидец, «челюсть рыбы подняли вверх и внесли через окно, так как она не входила в дверь».

Халиф восхищался рыбой, а придворные летописцы писали о ней, как о самом важном событии в жизни государства. Книгой же Ибн-Фадлана никто из придворных не заинтересовался, конкурировать с рыбой она не могла.

К тому же, книгу приняли за изощренную мистификацию. Автор был назван бесстыдным лгуном, никогда не побывавшим ни в одной из перечисленных им стран.

В арабских странах любили читать книги о путешествиях и включали сведения из них в географические энциклопедии. Но только один из многочисленных составителей удостоил поместить в свой труд куцые отрывки из книги Ибн-Фадлана, да и то, снабдив их оговоркой, что «это ложь с его стороны, и на авторе лежит ответственность за то, что он рассказал».

Ибн-Фадлан умер в неизвестности, непонятый и осмеянный.

Казалось, песком вечности он заметен навсегда.

Книгу забыли. Текст ее был утерян. Отдельные отрывки из книги встречались лишь в чужих пересказах, да и то искаженных. В России XIX века по этим отрывкам историки пытались воссоздать прошлое Урало-Поволжья, а живописец Генрих Семирадский написал картину «Похороны древнего русича», детали которой многие считали плодом художественной фантазии.

10.

После написания книги прошло ровно тысяча лет.

В 1923 году, в библиотеке при старинной мечети иранского города Мешхеда, высокий поджарый мужчина в круглых очках пристроился у подоконника. Он читает, осторожно перелистывая старинную рукопись, закапанную свечным воском.

Это средневековый сборник рассказов о путешествиях. Среди прочих он включает почти всю книгу Ибн-Фадлана.

Арабская вязь местами еле различима. От волнения мужчина тяжело дышит. Вот буквы складываются в слова: «...Мы видели, как одна группа поклоняется змеям, другая группа поклоняется рыбе, третья группа поклоняется журавлям, и мне сообщили, что они, враги, обратили их, башкир, в бегство и журавли закричали сзади врагов, так, что те испугались и сами были обращены в бегство... и поэтому они, башкиры, поклоняются журавлям и говорят: «Эти журавли наш господин, так как он обратил в бегство наших врагов, и потому поклоняются им теперь».

Он останавливается - от счастья хочется плакать.

Масштаб события в полной мере еще не осознан, но встреча во времени уже состоялась.

Книга, которую он держит в руках, рассказывает о его предках, о путешествии по его родной земле, о народах, которые населяют Южный Урал и Поволжье.

Ибн-Фадлан рассказывает подробно и о величайшем для российских мусульман событии - принятии ислама.

Вымысел оказался истиной, лгун - правдивым путешественником, мужественным миссионером. Сведения о природе Южного Урала и Поволжья, о нравах, преданиях и обрядах его жителей, которые сообщил Ибн-Фадлан, явились самыми достоверными из ранних средневековых источников.

Ученого же, который нашел и ввел в научный оборот книгу о мусульманском миссионерском посольстве, хорошо знают и на родине, в башкирском крае, и в Казани, и в Петрограде, и в Москве.

Ему тридцать три года. Прошло чуть больше месяца, как он покинул Советскую Россию. Он перешел границу, думая, что покидает родину ненадолго, что обстоятельства еще переменятся к лучшему, что большевики либо одумаются, либо отойдут от власти. Он еще не знает, что дорога назад закрыта навсегда...

Следующие дни он изучает и описывает рукопись. Масштаб открытия осознается постепенно.

Через год рукопись, открывающая новую страницу востоковедения, в его переводе и с его комментариями будет опубликована в Москве, в «Известиях Российской Академии наук».

Зовут этого ученого Ахмет-Заки Валидов, или Валиди.

Эпохи соединились. Вечность сомкнулась. Арабский книжник и башкирский улем встретились во времени.

Историческая справка

VIII в. Наиболее раннее свидетельство связей территории Приуралья с миром ислама. Среди находок Левашовского могильника (Ишимбайский район Республики Башкортостан) – три серебряных дирхама и золотой динар времен Арабского халифата (Омейядского и Аббасидского халифатов), датированные 706, 712 и 892 гг. Монеты, а также особенности захоронения, позволяют считать Левашовский могильник раннеисламским кладбищем.

922 Прибытие в столицу Булгарского ханства посольства багдадского халифа во главе с Сусаном ар-Раиси и секретарем Ахмедом Ибн-Фадланом. Этот год считается официальной датой принятия ислама народами Поволжья.

X в. По мере утверждения ислама в Булгарском ханстве религия проникает в западные районы башкирского края, входившие в его состав.

XI-XII вв. Распространение ислама среди башкирских племен миссионерами из Волжской Булгарии и Средней Азии (Бухара, Хорезм).

XIII в. Сообщение арабского писателя Ибн Сайда о демских башкир, которые «обращены в ислам».

1229, 1232 Неудачные попытки завоевания монголами Волжской Булгарии.

1235 Великий курултай монгольских ханов, на котором принято окончательное решение о завоевательном походе в западные страны.

1236-1237 Время завоевания монголами приуральских и поволжских народов, закончившееся включением их в состав нового государственного образования Восточной Европы – Улуса Бату.

1242-1243 Территориальное и административное оформление Улуса Бату, иначе – Золотой Орды, после возвращения хана Бату из похода на Южную Русь и Центральную Европу.

1255-1266 Время правления Берке-хана, который первым из правителей Золотой Орды принял ислам.

XIII в., конец Археологические раскопки на Южном Урале свидетельствуют, что в могильниках присутствуют как языческие, так и раннеисламские захоронения (Кушкулевский могильник в Дюртюлинском районе РБ).

11.

Закончилось красочное описание путешествия Ибн-Фадлана. Что же было дальше? Как же Булгар? Мы не забыли о нем.

Маленькая пристань городка Спасск, скрипучий деревянный дебаркадер, лестница ведет на косогор. Пять веков на крутом речном берегу над волжскими просторами стоят развалины когда-то шумной древней столицы. Минареты, башни, следы крепостных рвов. Потеряны в даях времени Великие Булгары, долгое время служившие караван-сараям на торговом пути из Европы в Азию.

В год прибытия в Булгар посольства халифа багдадского по приказу булгарского царя Алмышна Джафара была построена в форме маленького замка самая знаменитая мечеть Булгар – Исмаилдан или Исмаил-Рэбат – высокое шатровое помещение, внутренний четырехугольник которого завершал полусферический свод. Сегодня от него сохранились основания стен, четырех угловых башен и высокий минарет – «большой или великий столп» Исмаила.

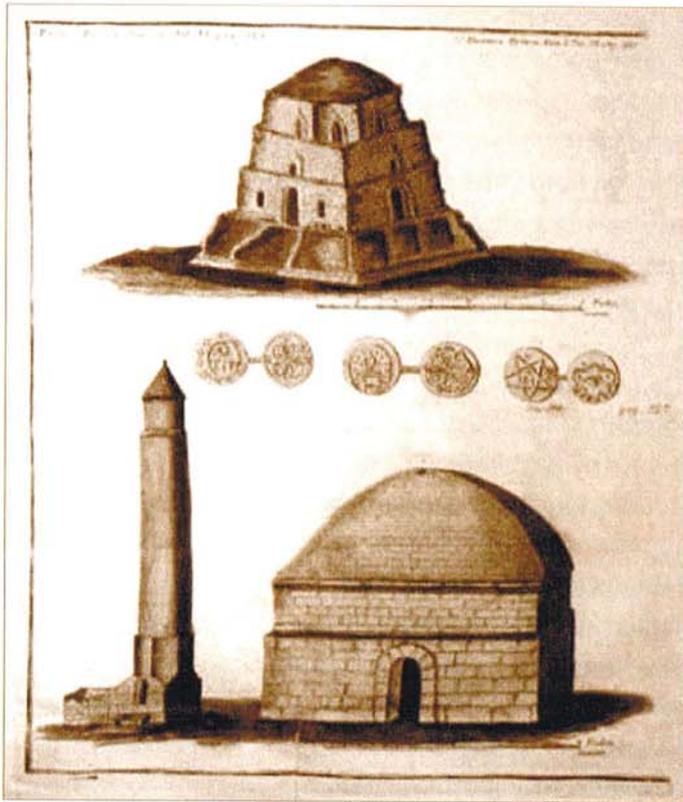
Перед началом молитвы азанчи поднимались наверх, выходили на обходную галерею, и отсюда призывали к намазу. Несколько раз мечеть перестраивали, позднее по ее углам появились четыре башни, а внутри вместо простых опор были устроены колонны.

Напротив северного фасада соборной мечети был возведен Северный мавзолей, украшенный с особой тщательностью, ведь он стоял перед лицевой частью главной мечети столицы.

Из памятников древней столицы сохранилась Черная палата, в которой когда-то вершили ханский суд. В зал судилища вели четыре входа – отдельно для каждого из трех судей, отдельный – для хана.

Со времени принятия ислама Булгария именовалась современниками «страной городов». Город – пространство, в котором зародился, а затем развивался ислам.

Арабскому слову «мадина» – город соответствуют слова «маданийат» – культура и «тамаддун» – цивили-

Мечеть, минарет и мавзолей в древних Булгарах. Из книги П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи». СПб, 1773 г.

зация. В основе этих однокоренных слов лежит корень «мадана» со значениями «строить», «окультуривать».

Первоначально булгары обитали в причерноморских степях, в низовьях Волги и Дона, вели полукочевой образ жизни, но, несмотря на это, имели свои крепости и города. Столицей был город Фанатория.

С одной стороны булгар теснили арабы, с другой наступали воинственные хазары, и, не выдержав неравного соперничества, они покинули причерноморские земли. Часть племен достигла Дуная, мест, где расположена территория современной Болгарии, и приняла христианство, другие племена двинулись на север, обосновались на берегах Волги и Камы, а в X веке добровольно приняли ислам.

С тех пор до 1556 года Булгар всегда считался то первой, то второй столицей Великой Булгарии.

После принятия ислама жители Булгарии стали переходить с рунического письма на арабскую письменность. Быстро росло число мечетей, а с ними начальные школы-мектебы и учебные заведения более высокого уровня - медресе. Вслед за образованием развивалась и наука. В Булгарии появились ученые в различных областях науки: математики, астрономии,

медицины, истории. Признание в самой Булгарии и других мусульманских странах получили труды ученого Хаджихамета ал-Булгари, философа Хамида бин Идриса ал-Булгари и других. Издавались книги о лекарствах, по ораторскому искусству и литературоведению, которые написал Бурханатдин бин Юсуф ал-Булгари, а также книги Тажетдина Булгари по медицине. Появились сочинения Махмута Булгари и Хисамутдина Муслими-Булгари. Популярна и известна за пределами Булгарии была книга поэта Дауда Саксин-Суари «Сад цветов, излечивающих болезни». Всемирное признание получила поэма Кул Гали «Легенда о Юсуфе»...

То, что сейчас называют Булгарским городищем, было когда-то городским центром. Длина города вдоль Волги составляла около десяти километров, ширина - около семи. В центре - двухэтажные деревянные и каменные дома.

Отдельными кварталами и слободами располагались ремесленные мастерские. Только меховых заводов в Булгаре насчитывалось не менее семисот. Улицы были выложены камнем, отличались чистотой. Испачканные в дороге люди, скот и телеги, перед тем как направиться в город, должны были очищаться в специально устроенных мочных местах перед городскими валами.

Булгар испытывал влияния, идущие из Хазарии и Хорезма, с которыми его связывали речной и караванный торговые пути. На севере жители Булгар поднимались до верховьев рек Чулпан и Нократ - так прежде называли Каму и Вятку, на юге спускались до Жигулевских гор, реки Урал, на востоке водили суда по реке Белой.

Византия везла в Булгар жемчуга и стеклянные украшения. Хорезм, Самарканд и Бухара доставляли шелка, сушеные фрукты, пряности. Посудой, дорогими соболиными мехами торговали здесь русские купцы, а увозили отсюда медь, оружие, изделия восточных мастеров. Наживая торговую славу, булгары зывали к себе купцов.

Жители Булгарии сеяли пшеницу, ячмень и просо, пасли стада, ловили рыбу, били зверя в землях, сопредельных с русскими княжествами, старались ладить с соседями. В большинстве своем, как и их царь, исповедовали ислам. У них были мечети и школы, муэдзины и имамы.

Укреплению ислама в Поволжье пытался воспрепятствовать хазарский царь, силой распространяющий иудейскую веру. Однако, согласно русским

Архитектурные чертежи развалин древних Булгар. Сняты с натуры в 1827 г. Архитектор А. Шмитов

летописям, около 965 года Хазарии было нанесено военное поражение. Князь Святослав положил конец самому существованию этого царства. После исчезновения Хазарии значение мусульманского Булгара возросло.

В конце X века русские князья приняли христианство, однако мусульмане и христиане редко встречались на поле брани, чаще мирно торговали. Одним из первых договоров ханов Волжской Булгарии был пакт о сотрудничестве с Киевской Русью. В нем записано, что скорее тонор станет плавать, а хмель – потонет, чем порушится провозглашенная дружба.

Был заключен торговый договор Булгарии с Киевским княжеством, по которому болгарские купцы получили право торговать на русских землях. Когда в 1024 году в Суздальском княжестве разразился страшный голод, жителей от голодной смерти спасли булгары, выделив для соседей хлеб из своих запасов. 1229 год также был голодным. В русской летописи говорится, что булгары «возили хлеб во все города русские и продавали, и тем великую помощь оказали», а Булгарский хан в то время прислал в дар Владимирскому князю тридцать судов, нагруженных хлебом.

12.

Из Волжской Булгарии отправлялись к восточным соседям – башкирам проповедники мусульманской веры. Именно с деятельностью булгарских миссионеров историки связывают проникновение

ислама в западные районы башкирского края. Имя знаменитого имама Хусейн-бека, проповедовавшего ислам среди башкирских племен, совершившего хадж в Мекку, и место его погребения считаются священными до сих пор. С южного направления в башкирский край миссионеров посылала Бухара.

Ахмед Ибн-Фадлан писал, что в их посольстве служил башкир, исповедующий ислам. Тот же Ибн-Фадлан, со слов башкира Даута Ибн-Гали, которого он встретил в Анатолии, сообщает о погребении башкир по мусульманскому обряду. Все говорит о том, что еще до официального принятия ислама Волжской Булгарией ислам имел последователей среди башкир.

Ахмед-Заки Валиди приводит отрывок из сочинений арабского географа Якута эль-Хамауи. Арабский ученый рассказывает о встрече в сирийском городе Халебе с башкиром, приехавшем на учебу, и сообщившем ему, что ислам на землю его предков привнесен проповедниками из Волжской Булгарии.

В некоторых башкирских шежере рассказывается о поездках башкир к исламским проповедникам в Булгар. Так, шежере башкир племени мин, проживающих по реке Деме, рассказывает о посылке туда девяти человек с тем, чтобы узнать, что такое магометанская вера.

По-видимому, на первоначальном этапе новую веру приняли лишь представители башкирских племен западной части края – бурзян, усерган и тангауров. Одним из самых ранних мусульманских погребений на территории края является Кушкулевский могильник XII века в Дюртюлинском районе. К началу XIII века часть башкирских племен уже приняла ислам.

Скупые данные древних текстов дополняют археологи. В башкирском крае найдены захоронения, которые ученые относят к ранней эпохе распространения мусульманства. Историки считают погребения раннемусульманскими не столько по тому, что в них найдены арабские монеты – это как раз противоречит исламу, запрещающему захоронение вещей вместе с умершим, сколько по положению тела – на спине, руки вытянуты вдоль тела, головой на запад.

13.

...Шумели базары богатого Булгара. А в эту пору в далеких монгольских степях поднималась зловеющая орда. Вздыбились дикие кони. Им покорялись или гибли великие народы.

Монголы шли по царствам и странам как железный гребень против шерсти. Под властью Чингисхана оказались могучие Хива и Хорезм. Звезды древнего Самарканда померкли. Но небывалые потрясения были еще впереди.

Битва на Калке стала поражением для русичей. В тот год пришлось взяться за оружие и булгарам. Персидский историк Ибн аль-Асир писал, что после сражения с русскими на Калке завоеватели направлялись на город Булгар, но булгары, узнав о приближении монголов, в нескольких местах устроили им засады и, заманив, напали на них с тыла.

Торжествовали булгары, считая, что разбили врага, а, может быть, полагаясь на мощь своих крепостей. С северной стороны Булгар оберегала Волга. Защита – крутой высокий склон. Стены города охватывал глубокий ров, перед которым в четыре ряда были закопаны острые колья. Над стенами на расстоянии полета стрелы располагались охранные башни. Все было исполнено надежно, крепко, по правилам военного искусства.

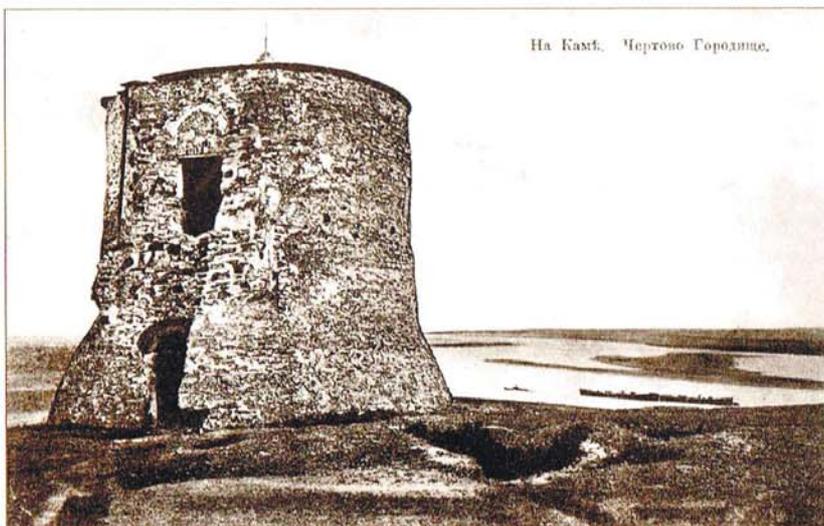
Но вскоре тумены Батухана снова вышли из степей. Триста тысяч воинов посадил на коней Батый. Против этого войска булгары смогли выставить только пятидесятитысячную рать. Тучи стрел закрыли солнце. Гибли люди, кони. В пламени кострищ исчез Великий Булгар.

Монголы не ставили целью освоение завоеванных пространств, ограничиваясь сбором дани. Прошло время, Булгары оправились после разрухи, заново отстроили разграбленные города, восстановили ремесла и торговлю, почти два столетия дружили и воевали с ближними и дальними со-

седями. Когда на месте развалившейся империи Чингисхана возникла Золотая Орда, Волжские Булгары еще имели некоторую самостоятельность, как улус сильного государства, но распри и войны между улусами и княжествами Золотой Орды вели к его ослаблению.

Тысячу лет назад Русь и Волжская Булгария заключили мирный договор, который стороны выполняли четверть тысячелетия. Сегодняшние потомки булгар носят имя «татары». Когда-то так именовали всадников из тридцати крупных родов с берегов Керулэна. Этим словом китайские географы стали называть всех кочевников, включая монголоязычных. Когда Чингисхан принял название «монгол», то соседи по привычке продолжали называть монголов татарами. Синонимом слова «монгол» слово «татарин» пришло в Европу. В состав нынешних поволжских татар вошли, кроме камских булгар, хазары, буртасы, угры-мишары, а также часть половцев, но менее всего – татары. Мусульманская вера объединила всех их.

Как известно, распространенная трактовка татарского ига на Руси родилась на Западе и пришла к нам оттуда. Ее автор Де Ту, французский историк, опираясь на подтасованные «Записки о московской войне» статс-секретаря польского короля Батория Р. Гейденштейна, к носителям зла и разрушения поспешил скопом причислить и монголов, и все тюркские народы, и всех русских. Конечно, без войн на российской земле не обошлось, но объединить и удержать под единым началом великое разнообразие невозможно одним лишь принуждением, без доброй воли. Народы Евразии сплелись здесь в конгломераты, которые произвольно не разорвать.

На Каме. Чертово Городище.

Остатки древней булгарской крепости на Каме. Почтовая открытка 1900-х гг.